

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

УЧЕНИЕ МОТООРИ НОРИНАГА О "ДРЕВНЕМ ПУТИ"

В 1960–70-х гг. в Японии наблюдался так называемый бум "Нихондзин рон" (Теорий о японцах) и "Нихон бунка рон" (Теорий о японской культуре). Он выражался в том, что на страницах газет, журналов, научных изданий появлялись многочисленные статьи, цель которых состояла в том, чтобы выявить "сущность всего японского": специфику японской культуры, образа жизни, поведения и характера японцев.¹ В качестве таких "специфически японских черт" сторонники этих теорий выдвигали иррациональность, интуитивизм японского мышления в противоположность рационалистическому и логическому мышлению западного человека, гармоничность и бесконфликтность японского общества в отличие от общества Запада, где существует борьба классов.

Подобное стремление к акцентированию и превознесению всего "специфически японского" имеет давние традиции в истории общественной мысли Японии. В первую очередь оно связано с деятельностью представителей "школы национальной науки". Эта школа возникла в первой половине XVIII в. как реакция на неоконфуцианство, являвшееся официальной идеологией сёгуната Токугава, и была выражением зарождавшегося в Японии стремления освободиться от культурного влияния Китая. Представители школы поставили своей задачей выявить политические, религиозные и культурные особенности Японии, показать их уникальность и обосновать превосходство страны над Китаем.

Материал для своих идей ученые школы черпали из произведений древнеяпонской литературы. Так, глава школы Мотоори Норинага (1730–1801) придавал особенно большое значение "Кодзики" (Летопись о делах древности, VIII в.), полагая, что это сочинение полностью свободно от китайского влияния. По мнению Норинага, синтоистские мифы "Кодзики" подлинно отображали тот образ жизни, который якобы существовал в Японии в глубокой древности, до заимствования китайской культуры, и который он рассматривал как идеальный. Отсюда его учение получило название учения о "Древнем пути".

Первое положение учения Норинага гласило, что Япония, как сказано в "Кодзики", является родиной богини солнца Амагарасу, поэтому она, а не Китай – главная страна в мире, и все прочие государства должны уважать ее как вассалы.²

Согласно учению о "Древнем пути", богиня Аматэрасу провозгласила божественный эдикт, в котором повелела своему внуку Ниниги-но микото править Японией во веки веков, родословная японских императоров никогда не прерывалась, и ныне царствующий император является прямым божественным потомком Аматэрасу.³ В этом, подчеркивал Норианага, заключается второе основное отличие Японии от Китая, где одна династия непрерывно сменяла другую, это же говорит о превосходстве Японии над Китаем. Японский император, будучи потомком Аматэрасу, должен почитаться как бог.

Сама по себе идея превосходства Японии над Китаем и почитания императора была не нова для Японии XVIII в. Однако до Норианага ее отстаивали главным образом ученые, стоявшие на позициях конфуцианско-синтоистского синкретизма. Так, Ямага Соко считал, что Япония стоит выше Китая, поскольку превосходит его по таким добродетелям как мудрость, гуманность и стойкость духа. Ямадзаки Ансай утверждал, что император достоин почитания, поскольку он является воплощением неба и человека в едином целом, а Такаэти Сикибу хотя и признавал, что право императора на власть гарантируется его божественным происхождением, но практическое применение этого права, по его мнению, зависит от того, насколько император станет добродетельным в процессе самосовершенствования.⁴ В отличие от них Мотоори Норианага основывался на абсолютной вере в синтоистские мифы "Кодзики". Император у него почитаем исключительно в силу своего происхождения, он стоит вне всяких понятий о добродетели, его личные нравственные качества не имеют никакого значения.

Рассматривая далее вопросы мироустройства, Норианага утверждал, что все в мире было создано и происходит в настоящее время по замыслу синтоистских богов. Поскольку среди богов есть хорошие и плохие, то добро и зло в мире существуют попеременно. Действительность многообразна и таинственна, в то время как человеческий ум, по мнению Норианага, ограничен, он не в состоянии понять таинственную действительность. Всякие попытки объяснить мир при помощи теорий о женском и мужском началах природы инь-ян, пяти первоэлементах, восьми триграмм "Ицзин" Норианага отвергал как "ошибочные теории конфуцианцев, догадки человеческого ума".

Утверждение ограниченности интеллектуальных возможностей человека связано с общими представлениями Норианага о человеке, которого он рассматривал как существо эмоциональное по своей природе. Подлинная сущность человека, по мнению Норианага, раскрывается в чувствах и переживаниях, а не в рассуждениях и действиях. Муже-

ственность, моральная стойкость, столь чтимые конфуцианцами, являются лишь внешней оболочкой, которой японцы вынуждены прикрываться, общаясь друг с другом, под влиянием китайских обычаев.⁶

Из представления об эмоциональной природе человека следовало утверждение его способности познавать мир чувствами, то есть путем эмоционального отклика на внутреннюю эмоциональную сущность других живых существ, предметов и явлений. Согласно взглядам Норинага, любой предмет, явление, существо имеет свое "сердце" (кокоро) или, другими словами, внутреннюю эмоциональную сущность (аварэ). При познании "аварэ", или "кокоро", у других предметов, явлений, существ в сердце человека возникают аналогичные эмоции, также именуемые "аварэ". Это составило сущность теории "познания моно-но аварэ", которую Норинага разработал на основе исследования японской классической литературы IX-XII вв.

Такое "чувствующее сердце" стало трактоваться Норинага как специфическая черта, якобы искони присущая японскому национальному характеру, впоследствии испорченному и оскверненному учениями о нравственном самосовершенствовании. По мнению Норинага, в противоположность моральному ригоризму неоконфуцианства, устанавливавшего нормативность проявления чувств, "чувствующее сердце" предполагало естественное выражение простых человеческих чувств - Норинага считал, что нельзя осуждать человека за то, что он стремится "есть вкусную пищу, носить теплую одежду, жить в хорошем доме", что он любит красоту природы и грустит по поводу смерти близких. Вместе с тем как аналогично естественное, данное человеку от природы чувство Норинага рассматривал почитание и любовь по отношению к небесным богам и императору.

Именно наличие "чувствующего сердца" обеспечивало, по мнению мыслителя, "спокойную и радостную" жизнь японского общества в древности, поскольку в то время "император рассматривал сердце небесных богов как свое собственное сердце, а народ воспринимал сердце императора как свое сердце".⁷ Другими словами, принцип познания "моно-но аварэ", или "моно-но кокоро", распространялся на область социально-политических отношений. Эмоциональным путем достигалось единство небесных богов (ками), императора и народа.

Во второй половине XIII в., когда формировались эти взгляды Мотоори Норинага, резко возросло число крестьянских выступлений. Учение Норинага представляло, таким образом, попытку создания теории добровольного подчинения "стоящих внизу" "стоящим наверху". Однако ученый считал, что это добровольное подчинение возможно лишь при благожелательном отношении "стоящих наверху" к "стоящим внизу". Так, он писал: "Подобно тому, как милосердная богиня Ама-

тэрэсу милостливо проливает на всех людей солнечный свет, также и стоящие наверху должны быть милосердны по отношению к стоящим внизу. Только когда стоящие наверху милосердны и проявляют заботу о народе, народ, почувствовав это, будет подчиняться неукрэнне".⁸

В целом следует сказать, что и в основе утверждений Норинага о превосходстве Японии и почитании императора, проистекавших из веры в синтоистские мифы, и в основе его концепции сущности человека и теории добровольного подчинения народа правителю лежит принцип эмоциональности, утверждение примата чувств над разумом.

Идеи эмоционального единства богов, императора и народа, божественности и вечности императорской власти и превосходства Японии над другими странами стали одной из важных составных частей концепции "кокутай" (букв.: тело страны), которая была основополагающей в Японии в период идеологической подготовки Мэйдзи исин, в процессе формирования национального самосознания и становления буржуазного государства. Концепция "кокутай" разрабатывалась представителями различных направлений общественной мысли Японии, начиная с конца ХУШ в. Причем, если школы Мито, Кимон, использовавшие для ее обоснования неоконфуцианскую аргументацию, имели приверженцев главным образом в самурайской среде и именно из их рядов вышли лидеры Мэйдзи исин, то учение "школы национальной науки" встречало поддержку со стороны купцов, ремесленников, зажиточного крестьянства. Этим слоям, лишенным при сёгунате Токугава всяких политических прав, импонировала идея добровольного подчинения народа императору. Учение школы, основанное на вере в синтоистские мифы, легко находило путь к сердцам простых людей, связанных в своей повседневной жизни со многими синтоистскими обрядами. Характерно, что в качестве одного из средств распространения своего учения представители школы считали стихи, которые, как известно, обладают способностью сильного эмоционального воздействия.

Учение "школы национальной науки" наряду с синтоистской мифологией активно использовалось для националистической пропаганды в 1930-40-е годы. В школах изучались мифы "Кодзики" и комментарии к ним Мотоори Норинага. На первой странице учебников по родному языку в средней школе помещалось стихотворение Норинага "Сикисима-но ута", которое, по свидетельству самих японцев, усваивалось ими буквально с молоком матери.

Если спросишь:

В чем душа

Островов Японии?

В аромате горных вишен

На заре.⁹

Стихотворение написано в форме классической танка. В нем использован образ цветущей вишни — символ всего японского. Кроме того, слова "душа островов Японии" (Сикисима-но Яматогоро) выражены в терминах древнеяпонского языка, заимствованных из "Кодзики" и "Гэндзимоногатари", что воспринималось как выражение "исконно японского национального духа".

Неслучайно, что в период бума "Нихондзин рон" 1960–70-х гг. усилился интерес к идеям "школы национальной науки". Сочинения Мотоори Норинага неоднократно издавались, появилось много научно-исследовательской литературы, посвященной изучению его взглядов. При этом Норинага превозносится как мыслитель, который выявил и воспел "исконно японский национальный дух", такие "извечные" черты японского мышления и образа жизни как интуитивность, эмоциональность, гармония. Профессор Токийского университета Сакура Тору в предисловии к своей книге о Норинага объясняет интерес современных японцев к этому мыслителю XVIII в. следующим образом: "Идеи Мотоори Норинага служат нам важной путеводной нитью для понимания того, что представляем собой мы, современные японцы. Они помогают нам понять, что внутри нас таит возможности дальнейшего развития, а что нам нужно преодолеть".¹⁰

В современной Японии теории о божественном происхождении страны и императорской власти утратили свое былое значение. Однако стремление представить японские национальные особенности как неизменные, не подвластные истории принципы, влечет за собой развитие идей национальной исключительности и превосходства, что всегда тесно связано с национализмом. Вместе с тем выявление культурных, исторических, психологических особенностей нации способствует более глубокому пониманию своеобразия социально-политического процесса развития страны.

-
1. Минами Хироси, Нихондзин рон кара мита "нихондзин" ("Японцы" с точки зрения теорий о японцах), "Бунгэй сундзэн", Токио, 1972, т.50, № 10; Дои Такэо, "Амаэ"-но кодзо (Структура "амаэ"), Токио, 1974; Кавамура Нодзому, Гэндэй Нихон идеороги хихан. "Нихон бунка" рон оёби "Нихон дзин" рон-о тэсин-ни (Критика современной японской идеологии. О теориях "Нихон бунка рон" и "Нихондзин рон"), Юбуцурон", Токио, 1975, № 4.
 2. Мотоори Норинага, Тамакусигэ (Драгоценная шкатулка для гребней), "Нихон котэн бунгаку тайкэй" (Серия книг по классической литературе Японии), Токио, 1966, т.97, с.324.
 3. Там же.

4. D. Earl, Emperor and Nation in Japan, Seattle, 1964, p.45-46.
5. Мотоори Норинага, Тама кусигэ, "Нихон котэн бунгаку тайкэй", с.332-333.
6. Мотоори Норинага, Асивакэ обунэ (Лодочка, пробирающаяся сквозь тростник), "Дзэнсю" (Полное собрание сочинений), т.2, Токио, 1971, с.36.
7. Мотоори Норинага, Наоби-но митама (Очищающийся дух), "Нихон-но сисо" (Японская идеология), т.15, Токио, 1969, с.308.
8. Мотоори Норинага, Хихон тама кусигэ (Секретная драгоценная шкатулка для гребней), "Нихон-но сисо", т.15, с.344.
9. Т. Григорьева, Японская художественная традиция, М., 1979, с.136.
10. Сакара Тоору, Мотоори Норинага, Токио, 1978, с.1-2.

А. В. Пайкова

ТУНИССКАЯ ВЕРСИЯ ЛЕГЕНДЫ О СЕМИ СПЯЩИХ ОТРОКАХ ЭФЕССКИХ

Предваряя свое издание сирийской версии легенды о семи спящих отроках Эфесских, немецкий ученый А. Альгайер писал, что в отличие от авторских сочинений, как бы оберегаемых именем автора и сохранявших поэтому неизменный вид, агиографы с самого начала рассматривались как всеобщее достояние. Каждая провинция и каждое поколение считали себя вправе облечь свои собственные впечатления в соответствующую форму. Так, по словам Альгайера, возникали десятки разновидностей одного сюжета, из которых каждая претендовала на особую историческую ценность.¹ История легенды о семи спящих и, в частности ее тунисская версия, может служить прекрасной иллюстрацией этого мнения.

В известном труде А. Е. Крымского, посвященном легенде о семи спящих отроках Эфесских, собраны арабоязычные средневековые версии этой легенды как в форме законченных повествований, так и в виде кратких, иногда отрывочных, сведений.² В этой сводке не упоминается тунисская версия,³ из чего можно заключить, что такой сюжет в средневековых литературах Северной Африки не зафиксирован. Однако, сказание о семи спящих известно сегодня жителям южных районов Туниса, и с их слов неоднократно пересказывалось в печати.⁴ Во время пребывания в Тунисе в 1976-77 гг. нам удалось познакомиться с этими материалами, которые и дали возможность поместить здесь небольшое сообщение.

Легенда о семи спящих отроках Эфесских восходит к дохристиан-